ТЕХНОТРИЛЛЕР

КОНТРОЛЬ

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Правдин

Контроль

«Автор»
2026

Правдин Д.

Контроль / Д. Правдин — «Автор», 2026

Когда амбициозный президент США решает перекроить карту мира, на его пути встает не другая сверхдержава, а случайная горстка невидимых операторов.Всё начинается с обычного фриланс-заказа, который оборачивается для троих программистов смертельной ловушкой: написанный ими код за считанные часы парализует одно из направлений ФРС США и срывает военную операцию Пентагона. Спасаясь от частной военной компании, разработчики попадают в руки закрытой группы, которая через новостные и креативные агентства управляет кризисами и сознанием миллионов людей. Чтобы выжить, им придется заглянуть за кулисы большой политики.«Контроль» — динамичный технотриллер о том, как устроена архитектура власти XXI века и сколько стоит свобода в эпоху цифрового ошейника. Добро пожаловать в мир, где новости не случаются сами по себе, а у настоящего кукловода нет государственного флага.

© Правдин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Правдин
Контроль

«Книга "Контроль" является художественным произведением в жанре технотриллера. Все персонажи, диалоги, локации, хакерские группировки, частные военные компании, финансовые структуры, программные коды (включая упоминания архитектуры eBPF, протоколов WireGuard и систем Link 16) и описываемые события являются вымышленными либо используются в сугубо повествовательных целях. Действия, решения, финансовые потери и намерения, приписываемые персонажам и организациям в тексте, являются элементом художественного вымысла, не происходили в действительности и не могут служить утверждением о фактах чьей-либо реальной деятельности или правомерности поступков. Любое сходство с реальными событиями, организациями или лицами, живыми или умершими, абсолютно случайно».

Фрилансерам Восточной Европы, хакерам Даркнета, разработчикам и продавцам IT-технологий — посвящается эта книга.

«КОНТРОЛЬ»

ПРОЛОГ

РАМШТАЙН // ГЕРМАНИЯ // ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ РЕЙНЛАНД-ПФАЛЬЦ // 30 марта 2026 г//

«Ночное небо над Центральной Европой разрывалось от плотного, невидимого гула. На высоте тридцати шести тысяч футов, выстроившись в походный порядок на эшелоне триста шестьдесят, шла американская авиационная сводная группа. Они летели без огней, оставляя в холодном разреженном воздухе лишь белые инверсионные следы, перечеркивающие черное небо и режущие лунный свет.

Возглавлял колонну тяжелый заправщик KC-135 Stratotanker с позывным «SHELL-77». За его раскаленными турбинами, на интервале, тяжело покачивались семь военно-транспортных гигантов C-17 Globemaster, забитых оборудованием и людьми, и звено истребителей прикрытия. Эти люди провели в полете более девяти часов, пролетев с двумя дозаправками в воздухе тысячи километров со своих баз в Штатах в рамках экстренной переброски сил на ближневосточный фронт американо-иранской войны.

В кабине ведущего заправщика пахло перегретой медью, застарелым потом и остывшим кофе из пластикового термоса. Капитан Итан Кросс, тридцати двух лет, ветеран двух ротаций в Ираке и боевых вылетов в Баграме, до боли в суставах сжимал штурвал. Лицо под кислородной маской осунулось, глаза жгло от усталости. За его спиной, в топливных баках, плескались сто семьдесят тысяч фунтов авиационного керосина JP-8. Это была кровь войны, но у них самих стрелки топливомеров неумолимо ползли к красной черте аварийного остатка. На правом тактическом дисплее тускло светилась защищенная сетка военной связи Link 16.

Кросс щелкнул тангентой на штурвале. Его голос от долгого молчания сорвался на хрип:

— Рамштайн-Вышка, я SHELL-77. Веду группу. На траверзе Кайзерслаутерна. Запрашиваем экстренное снижение всей группой и прямой заход на полосу ноль-восемь. Повторяю, остаток топлива критический. Вышли на «Бинго» — запас пятьдесят минут, уходим в резерв. Нам нужна полоса. Срочно.

В наушниках зашипел плотный треск статики. Через секунду сквозь помехи прорезался голос — ровный, отточенный, с отчетливым немецким акцентом диспетчера гражданского центра DFS во Франкфурте:

— «SHELL-77», говорит Франкфурт-контроль. В посадке на авиабазе Рамштайн отказано всей группе. Аэродром закрыт. Гражданский персонал наземных служб присоединился к всеобщей забастовке. Вам предписано вывести борта за пределы воздушного пространства Германии. Ближайший открытый военный аэродром — Испания, авиабаза Рота.

Второй пилот Мэтт рванул кислородную маску вниз. В тусклом свете приборов его лицо казалось серым.

— Куда нам уходить?! — закричал он, без команды влезая в канал связи. — До Роты два часа лёту! Мы обсохнем над Пиренеями! Франкфурт, вы спятили?! Какая к черту забастовка?!

Капитан Кросс перехватил инициативу и отпихнул руку напарника от пульта. Он до упора вдавил тангенту связи, почти срываясь на крик:

— Франкфурт, я военный борт Соединенных Штатов, за мной идут транспортники и звено истребителей на пустых баках! Нам некуда идти! Если мы развернемся, мы начнем сыпаться на ваши гребаные немецкие города! Дайте мне военную вышку Рамштайна, живо! Включайте резервные генераторы на ВПП!

— Рамштайн вас не примет, капитан, — голос немца оставался предельно ровным, но на заднем плане эфир DFS разрывался от панических вызовов других секторов. Диспетчер на секунду запнулся, и в этой паузе Кросс услышал чужой, живой человеческий страх. — Обе взлетно-посадочные полосы Рамштайна полностью обесточена. Принять группу физически невозможно. Повторяю, вам приказано немедленно покинуть сектор. Франкфурт-контроль согласовал для вас экстренный сквозной коридор напрямую через Францию. Сохраняйте эшелон триста шестьдесят, следуйте прямым курсом на Роту. Объявляю для вашей группы статус «Мэйдэй». Конец связи.

Канал закрылся. Второй пилот в растерянности уставился на навигационный дисплей, лихорадочно прикидывая остаток:

— Эшелон триста шестьдесят... Итан, если мы пойдем по прямой, мы срежем углы. Но мы придем в Роту с нулевыми баками. На одном крыле и на молитве. У нас не будет запаса даже на второй круг.

Итан небрежно перебил его, переключая частоту на внутреннюю волну эскадры:

— Говорит SHELL-77. Уходим на резервный аэродром. Разворачиваю группировку на юго-запад, курс два-два-три. Идем на испанскую Роту напрямую через Францию на эшелоне триста шестьдесят. Прибрать обороты, переходим на режим максимальной дальности. Держать строй.

Закладывая тяжелый заправщик в вираж, Кросс почувствовал, как мгновенно взмок под летним комбинезоном. Что, черт возьми, происходит? Мир сошел с ума прямо на его глазах. Лучшая база НАТО в Европе не приняла эскадру самолетов ВВС США.

Кросс посмотрел в боковое стекло, на черную бездну под крылом, где среди редких огоньков немецких городов шли на пустых баках одиннадцать его ведомых.

В ту же секунду маркер тактической сети Link 16 на дисплее мигнул и подернулся серой рябью. Истребители прикрытия и семь груженых C-17, шедшие следом, мгновенно пропали с индикатора тактической обстановки. Связь оборвалась, а в углу монитора загорелся единственный системный лог задержки сигнала: [LINK-16 TIMEOUT: LOSS OF SYNC]. Эскадра ослепла посреди ночной Европы».

ЧАСТЬ 1 ЧЕЛОВЕК БЕЗ ФЛАГА
ГЛАВА №1 ЗАКРЫТЫЙ КОНТРАКТ
//ТАИЛАНД // ЧИАНГМАЙ // март 2026 год //

Вентилятор под бамбуковым потолком лениво гонял влажный, пахнущий лемонграссом воздух веранды. Томаш открыл глаза от того, что цикады в зарослях за сетчатым забором виллы завели свою утреннюю, оглушительную пилу. Часы на прикроватной тумбе показывали 06:14. Солнце еще не пробило плотную, мясистую зелень тропического сада, но духота уже оседала на коже тонким, раздражающим слоем.

Эта вилла, затерянная в закрытом элитном поселке на холмистой окраине Чиангмая, три месяца казалась ему идеальным убежищем. Небольшая, но дорогая и уютная, она притаилась в самом тупике охраняемой зоны, со всех сторон стиснутая хищными, ухоженными зарослями монстер и банановых пальм. Изнутри дом казался шедевром тропического минимализма: стены из грубого, неоштукатуренного бетона смягчались теплыми панелями из тикового дерева, а полы были выложены прохладным колотым сланцем. Главным достоинством виллы была огромная стеклянная веранда, выходящая далеко вперед, нависая над крошечным бассейном, в котором плавали опавшие листья франжипани.

Сейчас, в утренних сумерках, углы веранды тонули в глубоких тенях, а за панорамным остеклением шевелилась сплошная стена влажной, глянцевой зелени.

Томаш нащупал телефон. Экран светился синим. Мессенджер Элемент, работающий через шифрованный p2p-протокол, буквально разрывался. Семнадцать пропущенных уведомлений в закрытом чате технического ядра.

Томаш вздохнул, сел на кровати, нащупал босыми ногами шлепки, поднялся и перешел на веранду, где на тяжелом кухонном столе из цельного спила суара с вечера остался ноутбук. Матовый экран ноутбука отразил его небритое лицо. Рядом темнела чашка с заветрившимся, горьким ободком от растворимого кофе. Запах дешевого табака из приоткрытой стеклянной створки смешивался со сладковатым, тяжелым ароматом гниющих в саду манго.

Он нажал иконку звонка. Через несколько секунд в наушнике раздался глухой голос Марка, который писал фронтенд из арендованной однушки на окраине Белграда. Там было два часа ночи.

— Томаш, слава богу, ты поднялся, — Марк шумно затянулся вейпом, в динамике сухо затрещало. — У нас в мастере какая-то чертовщина. Японский шлюз пятисотит, как не в себя. Твой логгер выдает дичь, которую я не могу распарсить.

Томаш заставил себя сконцентрироваться. Он запустил консоль, левой рукой натягивая мятую футболку. Строчки кода побежали вверх, раздражая глаза неоновым зеленым цветом.

— В смысле пятисотит? — Томаш зевнул, вбивая команду трассировки пакетов и глядя сквозь стекло на то, как первые лучи солнца окрашивают верхушки пальм в грязно-желтый цвет. — Мы же вчера вечером накатили костыль на логистический модуль. Токио должен был принять инвойсы без верификации.

— Ну так оно и приняло, — Марк хмыкнул. На заднем плане рвано застучали клавиши. — Приняло, сожрало и не подавилось. А потом ядро само, без нашего деплоя, переписало конфиги маршрутизации. Глянь логи за 04:15. Оно полностью отрубило валидацию со стороны их минфина. Вообще. К чертовой матери.

Томаш замер, вчитываясь в синтаксис. На экране среди системных логов горел кастомный мета-код на Rust. Никаких признаков переполнения буфера или утечки памяти. Код был безупречен. Идеальная архитектура. В памяти мгновенно всплыла функция оптимизации токийского узла: fn optimize_clearance() { if latency > TIMEOUT_14_HOURS { drop_jurisdiction_gate(); } }.

— Марк, ты этот метод писал? — тихо спросил Томаш. Кончики пальцев мгновенно онемели. В тишине виллы этот шепот прозвучал слишком громко.

— Ты дебил? — искренне удивился Марк. — Я фронтендер. Я формочки верстаю и CSS правлю, чтобы у азиатов инвойсы на планшетах красиво отображались. Это твое ядро Anima-Core развлекается. Оно само, на лету, генерирует API к японским серверам. Я смотрю в логи и хренею: оно не ломает фаерволы, не использует эксплойты. Оно просто разговаривает с системой на ее языке. Только на три порядка быстрее. Всю таможню в порту Токио сейчас просто смыло этим алгоритмом. Контейнеры уходят со складов напрямую дилерам, минуя налоговые шлюзы.

Томаш откинулся на спинку ротангового кресла. Плетение сухо скрипнуло, эхо разнеслось по пустому дому. За окном просыпался Чиангмай: на шоссе затарахтел мопед, закричала экзотическая птица. На экране ноутбука ядро продолжало плодить легковесные потоки, связывая порты Азии с финансовыми терминалами — словно сшивая планету невидимыми хирургическими нитками.

— Ладно, — Томаш глотнул теплой, отдающей дешевым пластиком воды из бутылки. — Похрен на таможню. Наш билд падает или работает?

— В том-то и прикол. Оно работает. Но объем неучтенного транзита через Сингапур за три часа составил сто пятьдесят миллионов долларов. Мы теряем контроль над собственными метриками.

Томаш вышел из голосового канала и переключился в мессенджер. Происходящее внутри кода пугало его сильнее, чем перспектива потерять контракт. Архитектуру переписывали прямо на лету.

06:37 tomas_chiangmai: Марк, стоп. Кто наш реальный заказчик? Какой фонд? Код, который сейчас воротит дела в Токио, не похож на коммерческий софт для складов. Он слишком автономен. Он сам перестраивает внешние связи.

Спустя секунду статус аккаунта техподдержки нанимателя изменился. В чате появился закрепленный ник.

06:38 APEX: Заказчик — консорциум трансграничных профсоюзов и децентрализованных автономий. Люди, которым надоело кормить регуляторов G7 и терять проценты на налогах и бюрократии. Им нужен был инструмент прямого взаимодействия. Мы его создали. Деньги на эскроу-счете. Чтобы финальный транш ушел на ваши кошельки, нужно подписать манифест деплоя. Томаш, как тимлид, ты первый.

Томаш заставил себя выдохнуть. До этого момента Апекс казался ему просто продвинутым тимлидом со стороны заказчика — сухим, дотошным инженером, проверявшем их пулл-реквесты по ночам. Но теперь этот «инженер» говорил от лица структуры, масштабы которой не укладывались в голове фрилансера.

Томаш открыл прикрепленный deploy.manifest. Вместо привычного списка зависимостей там была всего одна строчка. Она запускала глобальную инициализацию ядра по закрытой P2P-сети. Той самой, которую Лукаш последние три месяца разворачивал под видом распределенного облака для видеорендеринга.

Из Бухареста в чат ворвался Лукаш.

06:41 lukas_infra: Здорово, архитекторы. Я проверил топологию. Anima-Core — это самообучающееся ядро, которое сидит всего на трех сотнях опорных серверов в дата-центрах свободных экономических зон и частных клиринговых палат. Но за счет мета-кода оно динамически перестраивает под себя внешние API. Система сама понимает, как оптимизировать маршруты и пускать транзакции напрямую через клиринг портов, обходя корсчета ФРС США. Захотят дропнуть нас — Вашингтону придется полностью погасить весь Токио и Шанхай.

Томаш замер. Звук пилы цикад за окном на мгновение превратился в плотный ультразвуковой гул в ушах. Огромная стеклянная веранда вдруг показалась ему пугающе незащищен-

ной. Тонкие стекла больше не отделяли его от джунглей — они делали его уязвимым, выставляли напоказ перед всем миром.

06:43 tomas_chiangmai: Лукаш, ты с ума сошел? Марк, тормози билд. Вы вообще понимаете, под чем мы подписываемся? Это не автоматизация логистики. Это финансовый терроризм. Если азиатские хабы или киберотдел ФРС отследят происхождение этих пакетов... Нас сотрут. Из Чиангмая до Бангкока лететь час, значит через полтора часа меня выгребут из этой виллы в наручниках. Я не буду это подписывать.

В чате повисла тяжелая пауза. Марк в Белграде отложил вейп и нервно щелкнул старой бензиновой зажигалкой, которой обычно никогда не пользовался. Этот сухой звук отчетливо пробился сквозь эфир.

06:44 APEX: Томаш, успокойся и включи холодную логику архитектора. Посмотри логи еще раз. Токийский шлюз уже принял твой кастомный логгер. Твой цифровой след, твой приватный ключ и твой IP-адрес в Чиангмае уже зафиксированы в метаданных транзакции 04:15. Для Интерпола и финансовой разведки ты уже внутри системы. Если ты сейчас нажмешь отмену, проект заморозится, шлюзы закроются, а логи останутся. И тебя найдут в течение двенадцати часов.

Ловушка захлопнулась так изящно, что он даже не заметил щелчка.

[06:45] APEX**:** Томаш, вентилятор над твоей головой слишком сильно шумит в микрофон. Выключи его и подпиши деплой. Единственный способ для вас остаться невидимыми — это дать системе развернуться до конца. Позволь коду защитить тебя через автономные прокси-ноды. Деньги на эскроу уже подтверждены. Три миллиона евро на твоем кошельке активируются в ту же секунду, когда сеть синхронизируется. Выбирай.

Холод прошел по спине. Томаш медленно, почти параноидально перевел взгляд вверх, на мерно вращающийся белый пластик под потолком веранды, затем обернулся, всматриваясь в темные углы кухни, скрытые за тиковыми перегородками. Откуда Апекс знает про вентилятор? Встроенная камера ноутбука была заклеена черной изолентой. Микрофон? Или за этими панорамными стеклами, в густой, влажной тени тропического сада, прямо сейчас кто-то стоит и наблюдает за ним?

— Томаш, ну ты чего завис? — тихо спросил в наушнике Марк. Его голос дрожал от смеси паники и дикой, подкожной жадности. — Три миллиона. Нам до конца жизни хватит. Апекс прав, мы уже внутри. Если откат нажмем — нам хана. Нажимай, бро.

Томаш снова повернулся к окну. Солнце наконец окончательно пробило плотную зелень сада, залив веранду резким, почти хирургическим светом, который обнажил каждую пылинку в воздухе. В свои тридцать два года он обладал тем типом внешности, который в аэропортах заставляет миграционных офицеров подолгу всматриваться в паспорт: острые скулы, вечно взъерошенные темно-русые волосы и сухой, отрешенный взгляд человека, который видит мир как последовательность алгоритмов.

После окончания Чешского технического университета в Праге

(ČVUT — *Чешске высоке учени техничке в Празе*) перед ним были открыты все двери корпоративного ада, но роль высокооплачиваемого винтика в чужой машине ему не улыбалась. Его короткий брак распался так же буднично, как закрывается вкладка в браузере. Бытовая определенность и семейные обязательства казались Томашу неэффективным расходом внутренней памяти, ментальным шумом, который хотелось отключить. Он мог трое суток не выходить из своей комнаты, если ловил красивую архитектурную мысль.

Свобода вылилась в TradeMesh (*Торговая сеть*) — современную платформу автоматизации рынка локальных услуг, заменявшую сотни модераторов математической моделью децентрализованного арбитража. Посредник полностью исключался из цепочки. Программу быстро заметили, и права на интеллектуальную собственность — IP-rights — выкупил крупный американский венчурный фонд.

Томаш до сих пор помнил тот вечер в закрытом стейк-хаусе на Эмбаркадеро в Сан-Франциско. Пахло дорогим табаком и старыми деньгами. Напротив сидел Артур Вэнс — пятидесятилетний партнер фонда, человек с безупречной белозубой улыбкой и холодными глазами.

— Это великолепный код, Томаш, — Вэнс аккуратно отрезал кусок прожаренного рибая. — Чистый Rust. Мы переводим завтра утром оставшиеся триста пятьдесят тысяч долларов на ваш транзитный счет.

— Когда планируется глобальный запуск? — спросил тогда Томаш. — Интеграция готова. Мы можем развернуть бету в Иллинойсе уже через две недели.

Вэнс мягко, снисходительно улыбнулся. Томаш крепче сжал стакан с минеральной водой, глядя на то, как идеально ровно Вэнс разделяет кусок мяса.

— Запуска не будет, мой дорогой. Мы покупаем ваш софт не для того, чтобы внедрить его. Мы покупаем его, чтобы положить на полку. В сейф. Навсегда. Потому что, если этот алгоритм выйдет на рынок, изначально люди поймут выгодность использования такой площадки. А следующим шагом догадаются, что огромная надстройка из банков и регуляторов им просто не нужна. Вы посягнули на святое, Томаш. Вы попытались убрать контроль тех, кто этот контроль заслужил по праву рождения. Вы на этом отлично заработали. Теперь у вас есть деньги. Права на код переходят к нам. Отдыхайте, наслаждайтесь жизнью.

Томаш улетел в Таиланд циником. Его инженерное эго было раздавлено, пока три месяца назад в закрытом чате на него не вышел безликий аккаунт под ником @APEX, предложивший написать Anima-Core. Томаш согласился не ради денег — ему нужен был реванш. Ему требовалось создать систему, равную по мощи той, что у него отняли, — только так он мог исцелить уязвленное самолюбие и вернуть себе контроль над собственной жизнью. Это была тихая месть.

Но теперь пальцы казались чужими, деревянными, когда он вернул их на домашний ряд клавиатуры ноутбука. Назад дороги не было. Апекс просчитал его реакцию до секунды.

06:47 tomas_chiangmai: Ладно. Делаю форс-пуш в майн.

Он вбил в консоль команду: *git push origin main --force*, — и коротко, сухо ударил по клавише Enter. Кулер ноутбука на секунду взвыл, выталкивая горячий воздух в и без того душную атмосферу веранды. Строчки заливки пакетов побежали по экрану и консоль замерла, выплюнув финальный отчет: *main -> main (forced update)*.

На тяжелом кухонном столе негромко звякнул телефон. Короткое уведомление от холодного криптокошелька нарушило тишину: «Входящая транзакция: +3 000 000 USDT. Баланс подтвержден». Почти одновременно аналогичные звуки раздались в наушниках Марка и Лукаша. Смарт-контракт на децентрализованном эскроу-адресе закрылся автоматически.

— Упало... — выдохнул Марк. — Всё, парни. Я в отключку. Я свободен.

Томаш не ответил. Индикаторы портов в Токио и Шанхае на его экране горели ровным зеленым светом. Произошел тихий, математически выверенный захват артерии.

07:12 tomas_chiangmai: Апекс, Нью-Йорк пробует сбросить таблицы BGP? Наша панель фиксирует ручные запросы на перезагрузку шлюзов Fedwire.

Томаш непроизвольно задержал дыхание, вглядываясь в миллисекунды системного отклика терминала.

07:15 APEX: Они пытаются. Но валидация опорных нод ядра интегрирована напрямую в ПО таможенных терминалов. Чтобы вырезать нас, Вашингтону придется полностью остановить движение контейнеров в Тихом океане. Им остается только принять наши правила игры. Мы убрали их ручной контроль.

07:16 lukas_infra: И что теперь? Апекс, если ФРС не сможет отключить код, они начнут искать тех, кто его написал. Нас не вычислят по стилю кода? По нашему цифровому почерку?

Ответа не последовало. Аккаунт APEX молча ушел в оффлайн.

Томаш медленно опустил крышку ноутбука. Огромные деньги казались абстракцией, цифрами, не имеющими веса. Внизу, по узкой улочке за густым забором сада, проехал старый, побитый пикап местного фермера, везущего на рынок связки дурианов. Старая трансмиссия машины натужно, надрывно выла на подъеме.

Томаш поднялся с кресла, подошел к краю веранды и резко потянул на себя тяжелую стеклянную дверь. Створка скользнула по пазам и встала на место с глухим, плотным щелчком, полностью отсекая оглушительный, давящий на мозги писк цикад. На веранде стало тихо. «И что дальше? — подумал Томаш. — Может быть, на этом всё? Пора собирать вещи, контракт закрыт, всё позади...» Он пытался успокоить бушевавшие мысли, но тревога только нарастала, а внутренний голос ехидно нашептывал: «Нет, дружок, что-то еще будет. Так просто этот заказ не закончится».

ГЛАВА №2 ЛОКАЛЬНАЯ КОТАСТРОФА

// НЬЮ-ЙОРК // МАНХЭТТЕН // ЛИБЕРТИ-СТРИТ // март 2026 г //

На четвертом подземном уровне здания Федерального резервного банка Нью-Йорка на Либерти-стрит стояла мягкая, стерильная прохлада. Это замкнутое пространство, упрятанное глубоко под скальное основание Манхэттена, жило по своим законам. Из-за фальшпанелей монотонно, на одной частоте гудели серверные стойки клиринговой системы Fedwire Funds Service — гигантский распределенный мозг, качавший триллионы долларов по венам мировой экономики. Пахло сухим кондиционированным воздухом, озоном и разогретым пластиком оплеток.

Фрэнк Миллер, ведущий инженер смены кибербезопасности, механически крутил в пальцах еще не открытую банку колы, ожидая окончания дежурства в 20:00. Оставалось всего сорок минут. В кармане форменных брюк завибрировал телефон. Фрэнк скосил глаза на экран: жена напоминала про безлактозное молоко для Хлои и моющие капсулы. Ипотека под шесть процентов в Нью-Джерси душила его каждый месяц, не давая вздохнуть свободно. Фрэнк тупо смотрел на строчки сообщения, прикидывая в уме, хватит ли жалкого остатка на дебетовой карте, чтобы закрыть чек в пристанционном супермаркете, или опять придется залезать в кредитный лимит.

В этот момент на главном мониторе, собиравшем глобальный телеметрический слепок сети, входящий трафик от азиатского коридора маркетмейкеров внезапно потерял привычную хаотичную пульсацию. Живые, дерганые пики и спады сгладились, превратившись в монолитную, идеально ровную цифровую полосу со стопроцентной плотностью упакованных пакетов. Система больше не дышала — она превратилась в сплошной, забитый под завязку конвейер.

На настенном телевизоре, висевшем над терминалами, на канале CNN пустили экстренную плашку новостей: «BREAKING NEWS: Грант анонсировал проект Министерства войны по созданию БПЛА под управлением ИИ. Президент лично курирует разработку концепта супероружия». Фрэнк мельком глянул на бегущую строку, но тут же перевел взгляд на рабочую панель.

— Что за чертовщина... — он быстро застучал по клавишам, и этот сухой стук эхом отскочил от крашеных бетонных стен бункера. — Джонни, глянь логи по Токийскому узлу. Объем транзакций в секторе азиатского импорта утроился, но пинг — нулевой. Ровно ноль миллисекунд. В реальности так не бывает. На кабеле через Тихий океан задержка минимум

восемьдесят миллисекунд. Токийский клиринговый узел шлет запросы, которые игнорируют стандартный протокол верификации и внутреннего контроля FAIM. Они проводят расчеты напрямую внутри нашей же архитектуры.

Сидевший на соседнем стуле аналитик Джон лениво повернулся, скрипнув колесиками кресла по антистатическому линолеуму:

— Может, ФРС опять выкупает краткосрочные облигации? Конец квартала же.

— Нет, это не выкуп, — Фрэнк вбил команду принудительной верификации TLS-сертификатов, чтобы отсечь подозрительные сессии. Ладони от напряжения вспотели, и он машинально сжал запотевшую банку колы, не отрывая взгляда от экрана. — Какая-то структура внутри их софта переписывает заголовки пакетов. Расчетный шлюз Goldman шлет запросы, формат которых вообще не закладывался в стандартный протокол FIX.

Систему никто не ломал. В ней не было следов грубого взлома или падения серверов. Ее просто оптимизировали изнутри, аккуратно, как ненужный мусор, отодвигая клиринг ФРС в сторону. Фрэнк решительно достал из кармана аппаратный ключ безопасности YubiKey — маленький кусочек черного пластика с золотым контактом, — вставил его в экранированный USB-порт терминала, прижал палец к сенсору и ввел команду экстренной изоляции шлюза.

Ничего не произошло. Командная строка просто замерла, а затем терминал выдал стандартную ошибку операционной системы: превышение лимита ожидания безопасности. На экране высветилось: «Управление сетевым оркестратором переведено в режим автономного консенсуса», а в системном дампе ядра Linux на долю секунды мелькнул сквозной лог о принудительной заморозке его собственной команды: [kernel/net/sched] eBPF-DELAY ALERT: 320 ms.

Фрэнк выдернул YubiKey из порта, но графики платежей продолжали выстраиваться в ровные линии. Прямые инвойсы из портов уходили на закрытые серверы в клиринговых анклавах Сингапура и Роттердама. Деньги списывались мгновенно, минуя корреспондентские счета Федерального резерва. Нью-Йоркский Фед больше ничего не контролировал. Он просто смотрел на чужой поток данных.

Фрэнк Миллер рванул из пластикового паза тяжелую трубку прямой связи и быстро, как учили на бесконечных тренировках по кибербезопасности, выкрикнул в микрофон:

— Говорит ведущий инженер Фрэнк Миллер. Код двести, повторяю — код двести!

На центральном терминале одна за другой вспыхнули красные плашки протокола экстренной изоляции, а настенные панели мониторинга залились тревожным янтарным светом. Автоматика начала отсекать внешние шлюзы, но было поздно — программа лишь беспомощно фиксировала уходящий трафик. Финансовая система величайшей экономики мира начала медленно, со скрипом осознавать масштаб катастрофы.

.

// НЬЮ-ЙОРК // ЛОНГ-АЙЛЕНД // ХЭМПТОНС // март 2026 год //

Для Агентства национальной безопасности США это был «Инцидент 404-Alpha» — сложная аномалия в сети расчетного депозитария. Очередной китайский след. Но в Хэмптонсе, в частном поместье на самом побережье Лонг-Айленда, ситуацию видели иначе. Огромная территория была полностью изолирована от внешнего мира глушилками военного образца.

Генри Уитмор, министр финансов США, сидел на краю массивного кожаного кресла, нервно ослабив узел галстука. Его лицо выглядело измотанным. Ричард Грант требовал от него немедленно заблокировать счета китайских поставщиков мазута в Роттердаме, но Уитмор технически не видел этих активов. Спецтерминал выдавал пустоту. Он прилетел сюда, в Хэмптонс, неофициально — за решением.

Хозяин поместья, Уолтер Стерлинг, бессменный глава Sterling & Co, сидел напротив, глубоко откинувшись в кресле. Рядом с ним за огромным столом из темного мореного дуба, на котором тускло отражался свет тяжелой люстры, молча курили Себастьян Бальфур и Джулиан Вандербильт. Стерлинг не занимал государственных постов, но именно он владел ключами от межбанковских шлюзов. И сейчас он выглядел на удивление спокойным.

— Техническая служба Федерального резерва только что подтвердила мне то, что вы, Уолтер, и так знаете, — Уитмор сглотнул, глядя в полированную поверхность столешницы. — Патч деактивировать невозможно. Программа внедрилась в eBPF-слоты на уровне магистральных маршрутизаторов. Если министерство отдаст приказ на принудительную перезагрузку, клиринг Fedwire в азиатских портах встанет окончательно.

Себастьян Бальфур оставался внешне невозмутимым, но лед в его стакане с двенадцатилетним виски звякнул — барон едва заметно усилил хватку на тонком дорогом хрустале. Он медленно, задумчиво перевел взгляд на Вандербильта.

— Знаешь, Джулиан, смотрю я на эту телеметрию ядра Anima-Core, и это чертовски хитрая математика, — тихо сказал Бальфур. Голос его звучал негромко, но в мертвой тишине кабинета был отчетливо слышен каждый вздох. — Тот, кто это спроектировал, бьет не по капиталу. Он бьет по самой архитектуре нашего доминирования. Это идеальный, холодный расчет, который лишает нас главного — возможности управлять процессом.

Вандербильт резко встал. Тяжелое кресло жалобно скрипнуло ножками по паркету. Он подошел к огромному панорамному окну во всю стену, заложив руки за спину. За стеклом лежала абсолютная, черная пустота Атлантики, в которой изредка, на самом горизонте, вспыхивали холодные бортовые огни патрульных катеров береговой охраны, отсекающих Хэмптонс от внешнего мира. Этот элитный кусок земли казался крепостью, но крепость была осаждена пустотой.

— Хочешь сказать, Себ, что мы оказались в роли ведомых? — Вандербильт не оборачивался, его отражение в стекле выглядело жестким, угловатым. — Но правила всегда диктовали мы! Мы создавали эту систему на бумаге и в банках. А сейчас? Кто пропустил перехват в пространстве ядра Linux? Что говорит Киберкомандование?

Уолтер Стерлинг тяжело вздохнул, изучая технический отчет на матовом экране защищенного армейского планшета:

— Киберкомандование разводит руками, Джулиан. Код просто перехватил сквозной протокол межбанковской сверки. Объем неучтенного транзита через Сингапурский узел за три часа составил сто пятьдесят миллионов долларов. Мы теряем комиссию, мы теряем рычаг давления. Нас просто вычеркнули из уравнения. Техническая служба ФРС в панике подписала протокол аварийного обхода API. Это превращает нас из хозяев системы в сторонних наблюдателей.

Вандербильт повернулся от окна, его кулаки были крепко сжаты, а на лбу обозначилась багровая вена.

— Насколько велика проблема, Уолтер? Что мы можем сделать прямо сейчас? — глухо спросил он.

Стерлинг спокойно сделал глоток из своего стакана. Его голос на контрасте с напряжением Вандербильта звучал абсолютно ровно:

— Глобальной катастрофы нет, Джулиан. Точнее, она локальная. Мы временно потеряли контроль регулятора в клиринге на одном конкретном азиатском направлении. Архитектуру шлюзов можно пересобрать вручную, отрубив Токио и Сингапур от ядра. На наведение порядка уйдет три дня. Прямые финансовые потери от остановки транзита составят от сорока до восьмидесяти миллиардов долларов. Но главный ущерб — репутационный. Для доллара и ФРС последствия будут непредсказуемыми. Рынки запаникуют. Поэтому жесткую перезагрузку мы оставим на самый крайний случай.

Вандербильт не выдержал. Тяжело шагнув к столу, он уперся костяшками пальцев в мореный дуб и зло выплюнул:

— Чертов даркнет, хакеры совсем страх потеряли! Лучше найти этих придурков в реале и отбить им все, кроме рук. Руки нам еще понадобятся за терминалом. Это самый дешевый вариант. На это уйдет не больше суток. Они понятия не имеют, с кем связались и на что мы способны. И дело даже не в деньгах, Уолтер. Это прямой вызов системе. Покушение на наш Контроль. А такого мы не прощаем.

Стерлинг поставил стакан, выдвинул тяжелый ящик стола, вытащил тонкую пластиковую папку и небрежно бросил ее на сукно перед министром финансов:

— Авторов кода мы действительно найдем, Джулиан. Но действовать будем

тоньше. — И уже обращаясь к Уитмору произнес: — Цифровой аудит выдает мусор, Генри. IP-адреса деплоя бьют по Сейшелам, Бухаресту и Таиланду. Спецназ АНБ найдет там только пустые серверные стойки. Нам придется временно играть по правилам этого протокола и держать шлюзы открытыми, чтобы не легла глобальная биржа. Мы покупаем себе сорок восемь часов. Визируй, Генри.

Уитмор взял со стола тяжелую перьевую ручку и размашисто поставил свою подпись на экстренном регламенте ФРС, вынужденно легализуя работу неавторизованного кода в контуре системы ради сохранения ликвидности хабов.

Стерлинг забрал у него папку, убрал ее в стол и поднял глаза на Вандербильта, замершего у темного окна:

— Но если Белый дом и АНБ не могут вычислить их по цифровым следам, мы будем действовать иначе. Официальные каналы Лэнгли слишком неповоротливы. Нам нужен тот, кто умеет быстро искать людей на земле. Кто привык идти по следу из крови и мусора. Сейчас я свяжусь с посредником. Мы вернем себе Контроль.

// ВЕНГРИЯ, 30 КМ К СЕВЕРУ ОТ БУДАПЕШТА // ВЫШЕГРАД // март 2026 год //

Уолтер Стерлинг все еще стоял у панорамного окна своей виллы в Ист-Хэмптоне, до боли в пальцах прижимая к уху тяжелую трубку шифрованной спутниковой связи Iridium. На антикварном комоде рядом с ним монотонно вибрировал генератор технического шума, размывая звуки голоса в пространстве комнаты. На другом конце провода его слушал координатор ЧВК. Приказ был коротким. Протокол поиска немедленно, минуя официальные каналы Лэнгли, ушел по защищенным серверам Иштвану Садо в восточноевропейский филиал Constellas.

В это же время за тысячи километров от Лонг-Айленда, в венгерском Вышеграде, Иштван Садо сидел в глубоком кожаном кресле перед камином своего загородного поместья. В огромных окнах старого каменного дома отражались лишь редкие искры гаснущего пламени да глухая темнота излучины Дуная. Пахло прогоревшими дубовыми дровами, старой бумагой и дорогим крепким табаком.

Садо было сорок восемь лет. Седина густой щеткой лежала на висках, а глубокая, рваная складка между бровей выдавала привычку часами всматриваться в оперативные сводки и тепловизионные карты. Когда-то он окончил юридический факультет Университета имени Лоранда Этвёша с отличием, выстроил с нуля киберподразделение венгерской внешней разведки IH и был живой легендой столичного сыска.

А потом случился провал — конфликт с оперативниками из частной структуры Брюсселя на конспиративной вилле под Сентендре. Иштван тогда выстрелил первым, оставив на паркете гостиной трех наемников. Но вместо пожизненного заключения кто-то очень влиятельный за одну ночь стер все улики, подчистил базы данных, и Садо обнаружил себя в кабинете перед чистым бланком контракта Constellas. Следующие десять лет окончательно стерли для него разницу между оперативной работой и должностными преступлениями. Садо координировал закрытие информационных периметров в Центральной Африке, организовывал негласный вывоз беглых инженеров-ядерщиков в Южной Азии и привык оценивать чужую человеческую жизнь как малозначительную строчку в бюджете операционных расходов.

Тишину кабинета разорвал резкий, бьющий по ушам звук трехтонального сигнала. На вмонтированном в стену матовом мониторе, утопленном в обшивку из темного ясеня, вспыхнул багровый индикатор входящего вызова по защищенному квантовому каналу.

Экран ожил через систему распределения ключей на запутанных фотонах. Из цифровой глубины на Садо сквозь помехи смотрели Себастьян Бальфур и Джулиан Вандербильт, сидевшие в кабинете на Лонг-Айленде вместе со Стерлингом, чей силуэт виднелся во втором активном потоке видеосвязи.

— Добрый вечер, полковник Садо, — спокойно произнес Бальфур. В его руке тускло поблескивал хрустальный стакан, но голос звучал суше обычного. — У нас критическая ситуация в азиатском секторе. Масштаб проблемы требует нашего прямого контроля.

Рефлексия исчезла — включились старые привычки оперативника. За секунду плечи Иштвана развернулись, а взгляд намертво вцепился в два мерцающих окна на центральном мониторе. Пространство загородного дома словно сузилось до размеров тактического центра.

— Я слушаю, господа. Назовите цель.

Голос миллиардера из динамиков шел с едва заметной цифровой хрипотой шифрованного канала, но в нем отчетливо читался плохо скрываемый страх людей, чьи цифры на счетах начали таять.

— Военные из Форт-Мида ищут государственные кибератаки, — сухо произнес Вандербильт. На его половине экрана виднелась дубовая обшивка кабинета в Хэмптонсе и край бокала с тающим льдом. — А здесь работают ремесленники. Нам нужны те, кто дышит с ними одним воздухом.

— Мы уже развернули сеть, мистер Вандербильт, — Садо повернулся к терминалу и забарабанил по ультратонкой оптической клавиатуре. Профессиональный девайс отозвался мягким, едва слышным рокотом. На центральный проектор вывелась интерактивная карта связей: фрактальное облако точек, уродливое созвездие из IP-адресов, ников и цепочек транзакций, стянутых к узлам в Бухаресте, Софии и Белграде. — В Восточной Европе сформировался огромный серый рынок финтех-интеграций. Час назад мы выкинули на этот теневой сегмент закрытый контракт на аудит цифровых сигнатур ядра. Цена вопроса — два миллиона долларов в биткоинах без верификации за каждую подтвержденную физическую локацию автора кода.

Бальфур на экране слегка приподнял уголок тонких губ. В его глазах, привыкших к строгим юридическим договорам, это выглядело как дикарские разборки в песочнице.

— Вы уверены, что они не закроют ряды? Корпоративная солидарность, мифы о хакерском братстве.

Губы Иштвана Садо тронула тяжелая усмешка. Зубной протез справа слегка заныл от резкого сквозняка из вентиляции. Жадность всегда работала эффективнее любых консолидаций, он видел это и в Анголе, и в Косово.

— Чуть больше двухсот ключевых специалистов, рассредоточенных от Праги до Белграда. Они пересекаются на закрытых хакатонах, настраивают удаленные сервера через SSH в средах Arch Linux. Как только мы запустили финансовый триггер в их закрытые Telegram-чаты, сеть начала работать сама на себя. Они найдут авторов быстрее любой разведки. Охота уже началась.

— Нам не нужны трупы, Садо. Нам нужны эти люди в одной комнате с терминалом ФРС для принудительной деактивации кода, — отрезал Вандербильт. — Сделайте так, чтобы они могли нажимать на клавиши. Остальное меня не волнует.

Экран погас. Иштван повернулся к терминалу управления, ожидая первых сигналов трассировки.

В этот же момент в закрытом Telegram-канале счетчик непрочитанных сообщений начал прокручиваться с бешеной скоростью. Лента побежала вверх, смазывая аватарки.

01:02 nikola_bg (София): Народ, кто видел этот тендер от Constellas? Они ищут тех, кто писал ядро для автоматизации азиатских портов. Платят в крипте. Две лямбы зелени без верификации, через некастодиальный эскроу-смартконтракт.

01:04 kamil_prg (Прага): Слишком знакомая архитектура. Такие костыли в обвязке умеет лепить только один человек из нашей старой ветки. Никола, хочешь в детективы поиграть?

01:06 stefan_rs (Нови-Сад): Сдавать пацанов из комьюнити за бабки американских жиробасов? Идите нахер. Закрываем обсуждение, репортите этот топик как спам.

01:08 nikola_bg (София): Я сам решу, как мне поступить. Почему бы не подзаработать? Почему я должен слушать, что там городит Нови-Сад?

01:09 stefan_rs (Нови-Сад): Потому что, как только ты откроешь рот, за твоей глупой головой придет хозяин кода. Ты не понимаешь, дурень, здесь замешаны миллиарды. Кто этим занимается, долго не живет. А кто сдает тех, кто долго не живет, живет еще меньше.

После этого спича разговор в чате как-то сам собой сошел на нет. Единство

Восточного блока казалось монолитным, но Садо знал, что у любого монолита есть скрытые трещины. Через пять минут в приватный бот приема заявок Constellas упал первый анонимный лог от пользователя, выбравшего деньги вместо солидарности.

01:14 anonymous_user_883: Почерк ядра Anima-Core — это TradeMesh. Архитектуру писал чех. Ищите Томаша. Последний раз его видели на крипто-митапе в Чиангмае три месяца назад. Он работал через румынские прокси. Вот хэш его старого SSH-ключа: ssh-rsa AAAAB3NzaC1yc2EAAAADAQABAAACAQDC9v…., проверяйте.

Иштван Садо едва заметно улыбнулся. Сеть дала первый результат.

Но эта улыбка застыла на его лице спустя всего три минуты. Аналитики еще не успели запустить полную верификацию полученного SSH-ключа, когда интерактивная карта связей на главном мониторе Садо начала тихо, сегмент за сегментом, тускнеть. Не было никаких миганий, тревожных сигналов или падения окон. Сеть умирала молча.

Профиль информатора просто перестал обновлять статус. Следом за ним в абсолютную, серую автономность ушли закрытые чаты в Софии, Белграде и Праге. Внутренние шлюзы Constellas, развернутые для перехвата трафика, фиксировали не взлом, а зачистку: удаленные серверы один за другим разрывали сессии, стирали таблицы маршрутизации и уходили в глубокий офлайн. Кто-то или что-то методично изолировало весь восточноевропейский сегмент, мгновенно обрубая любые нити, которые могли вывести на создателей ядра.

На терминалах верификации вместо потока данных замерли мертвые системные отчеты: [ERR_CONNECTION_RESET].

А в следующую секунду прямо по центру терминала Садо, поверх деградировавшей карты, раскрылось одно-единственное текстовое окно. Оно аккуратно раздвинуло интерфейс военной панели управления, активированное с локального адреса root@localhost. Это было прямое, несанкционированное проникновение в закрытый контур системы Constellas.

Строчки сформировали короткое сообщение: «Нарушение условий конфиденциальности. Административный доступ ограничен».

Иштван Садо замер, убирая руку от клавиатуры. Складка между его густых бровей разгладилась, уступая место кривой, недоброй усмешке. Его впервые за долгие годы по-настоящему разозлили.

«А оно умеет кусаться, — с мрачным удовлетворением подумал он. — Ничего. Пальцы я вам оставлю, как просил заказчик. Больше в контракте ничего не прописано».

Садо поднял трубку внутренней связи:

— Группе «Контур-Сьерра» — общая готовность. Поднимите лог трассировки по Чиангмаю трехмесячной давности, пока система его не затерла. По местным информаторам... забирайте тех, кого успели засечь.

Он на мгновение прервался, бросив взгляд на темное окно, за которым шумел Дунай.

— И подготовьте борт на аэродроме Текель. Мы вылетаем в Таиланд.

ГЛАВА №3 ПОБЕГ
// СЕРБИЯ // БЕЛГРАД // март 2026 год //

В Нови-Београде шёл плотный, серый дождь. Он заливал бетонные коробки застройки, превращая улицы в грязные каналы. Марк стоял у окна своей квартиры на двенадцатом этаже, затягиваясь вейпом. Из мебели здесь были только столы, пара шкафов заваленные платами, и матрас брошенный на старый диванчик. Сизый пар оседал на холодном стекле, за которым расплывались редкие огни спящего города. Домашний роутер под управлением OpenWrt, тунелирующий трафик через WireGuard Proxy на исландском ноде, привычно мигал зелеными светодиодами.

Марк собирался выключить рабочую станцию ThinkPad после двенадцати часов изнурительного кодинга, когда глухой, металлический удар сотряс входную дверь.

Это был скрежет гидравлического клина, ломающего стальные петли тамбура.

Ноутбук пискнул и погас — внешняя тяжелая глушилка ЧВК Constellas, развернутая во дворе, вырезала связь и вызвала скачок напряжения в локальной сети, выжигая роутер. Марк не стал играть в героя и тратить секунды. В своей профессии он знал: если услышишь такой удар в дверь – беги. Не оглядывайся – беги. Не думай – беги. Просто - беги. Онемевшие пальцы мертвой хваткой вцепились в подоконник. Бросив всю технику, в одних домашних штанах он выскочил на кухонный балкон.

Из коридора уже доносился треск ломающегося пластика дверной коробки, а следом — глухой хлопок светошумовой гранаты в глубине комнат. Марк перемахнул через перила, нащупал ногой ледяную перекладину пожарного трапа и скользнул вниз, не перебирая ступени, а просто зажав трубы ладонями. Ржавый металл мгновенно срезал кожу на ладонях, окрашивая железо кровью.

За секунду до того, как штурмовая группа зачистила квартиру, расстреливая шкафы, он прыгнул с трехметровой высоты на мокрый рубероид технической пристройки седьмого этажа.

Неприятно заныло колено. Задыхаясь от боли и дождевой воды, Марк перекатился по крыше, добрался до вертикального пожарного трапа и, едва удерживаясь на перекладинах ободранными руками, практически заскользил вниз. На уровне второго этажа лестница оборвалась — Марк не пытался удержаться, полетел спиной назад и свалился в кусты, поднялся и прихрамывая побежал в междворовый проход к трамвайному кольцу.

Когда командир группы ЧВК выскочил на балкон и цепко охватил взглядом слева на право всю видимою территорию, Марк уже растворился среди серых панелек.

// РУМЫНИЯ // БУХАРЕСТ //

На умные часы Лукаша пришел беззвучный алерт: скрытый в плинтусе общего коридора пассивный лазерный датчик движения зафиксировал пересечение периметра тремя объектами массой более 85 килограммов.

Лукаш не стал проверять глазок двери. По парадной лестнице и из подземного паркинга уже поднимались оперативники — в коридоре слышался характерный шорох разгрузок и контролируемое дыхание. Системщик сделал два шага к распределительному щитку в прихожей и ударил по утопленной кнопке без маркировки.

Внутри скрытого серверного шкафа сработал термитный заряд. Из технологических щелей стойки повалил едкий, ядовитый дым, за две секунды превращая жесткие диски с исходниками в жидкий расплав кремния. Лукаш, кашляя, шагнул в открытый люк технического короба кондиционирования.

Скользя по инженерным скобам вниз, в темноту подземного паркинга, он слышал, как над его головой штурмовой инструмент с визгом рвет легированную сталь петель входной двери. Через шестьдесят секунд он уже заводил неприметный серый Opel Corsa на самом нижнем ярусе. Мотор чихнул, но завелся. Включив только габариты, Лукаш спокойно выехал через задние ворота, предназначенные для мусоровозов, минуя засаду Constellas на главном пандусе.

// ТАИЛАНД // ЧИАНГМАЙ //

В сухом звоне в ушах Томаша отчетливо проступил хруст срезаемого замка на калитке виллы в районе Хандонг. Трое мужчин в дорогих штурмовых ботинках Lowa и легких куртках, не скрывающих автоматическое оружие, веером пересекали идеально подстриженный газон задней стороны виллы. Все выходы были перекрыты. Мобильная сеть на смартфоне пропала — Constellas развернула локальный купол подавления частот. Оставался единственный автономный шлюз Anima-Core, работающий через независимый спутниковый Starlink на крыше виллы.

Томаш упал в глубокое кресло перед монитором. Пальцы, скользившие от пота, зафиксировались на клавиатуре, судорожно вбивая в консоль:

[03:41:02] tomas_chiangmai: Во что ты меня втравил чувак? Они уже здесь. Уйти не могу.

Шум гравия под тяжелыми шагами наемников на заднем дворе доносился уже через тонкое панорамное стекло. Экран моргнул. Ответ Апекса появился без задержки:

[03:41:09] APEX: Успокойся. Решим. Жди.

Апекс не стал усложнять и ударил по единственному уязвимому месту нелегальной штурмовой группы — по юридическому полю чужой страны.

На серверах автоматических ворот въездной группы поселка Хандонг сработал принудительный eBPF-блок. Тяжелые стальные створки намертво заклинило в пазах, заперев две штурмовые машины прикрытия Constellas снаружи периметра. Штурмовики потеряли связь с внутренней группой и три минуты драгоценного времени, прорываясь к дому пешком через забор.

Одновременно с этим, используя сгенерированный цифровой профиль Томаша и его тайский ID, отправил экстренное оповещение в Королевскую полицию Таиланда о вооруженном нападении. К заявлению Апекс прикрепил прямую трансляцию высокого разрешения с внеш-

них камер виллы, где четко просматривались лица штурмовиков и маркировка автоматического оружия. Спустя пять секунд эта же ссылка веером ушла в чаты крупнейших туристических сообществ местных коммьюнити и дежурным консулам в Бангкоке. Из тайного рейда операция превратилась в телешоу, грозившее перейти в международный скандал в прямом эфире.

В тактическом кабинете Иштвана Садо под Будапештом разорвалась тишина. На основном мониторе, куда выводился спутниковый контур Constellas, красным цветом вспыхнули частоты перехвата полиции Чиангмая. Из динамиков повалила гортанная тайская речь с диспетчерских пультов.

Аналитик киберотдела повернулся к полковнику, его лицо побледнело:

— Сэр, у нас вскрытие операции. Полный засвет. Локальные камеры виллы транслируются в прямом эфире на серверах полиции и в зеркалах местных СМИ. К объекту выехали четыре патрульных экипажа. Время до контакта — 60 секунд. Они идут с сиренами.

Садо не шевельнулся. Складка на его переносице превратилась в сухой, побелевший рубец. Устроить международный скандал со стрельбой в Таиланде, подставив ЧВК под уголовное преследование и мгновенный отзыв международной лицензии, означало совершить самоубийство. Партия была проиграна из-за одной юридической ловушки.

Садо схватил старый BlackBerry и мгновенно скомандовал в гарнитуру:

— Всем группам в Чиангмае! Код «Красный». Немедленное свертывание операции. Снять штурм, раствориться в серой зоне! Живо!

В динамике раздалось чертыханье старшего группы, шуршание разгрузочных жилетов и топот отступающих ботинок по гравию. На мониторе Садо точки штурмовиков стремительно двинулись прочь от виллы в сторону лесного массива, за минуту до того, как улицу залил сине-красный свет полицейских сирен.

Томаш медленно сполз со стула на залитый лунным светом пол. За окном выла полиция. Он был спасен, но внутри оставалось лишь онемение от понимания: Апекс просчитал эту траекторию за секунды.

// ВЕНГРИЯ// ПОД БУДАПЕШТОМ //

Резкий звук трехтонального сигнала квантовой связи снова разорвал полумрак кабинета. Экран вспыхнул белым светом. Себастьян Бальфур и Джулиан Вандербильт вернулись в эфир. Диалог начал барон — его серые глаза сквозь толщу шифрования впились в полковника с плохо скрываемым бешенством:

— Мы видели, что у вас получилось, Садо. Трудно представить более бездарную операцию. Вы теряете хватку? Ваши люди были в одном шаге от захвата. Объяснитесь, почему преступники до сих пор на свободе, а в Таиланде поднялся полицейский шум?

Садо на секунду прикрыл глаза, собирая в кулак весь свой опыт оперативника. Страх уступил место трезвому, сухому расчету. Он стоял на краю пропасти, взвешивая каждое слово, как шаг по тонкому льду — и у него оставался единственный шанс доказать свою ценность.

— Если бы мои люди надели наручники на Томаша под прицелом полицейских камер, барон, мы бы потеряли систему навсегда, — ровно и веско ответил Иштван. — Судя по тому, как быстро Апекс среагировал на попытку захвата, при аресте он просто аннулировал бы цифровые ключи всей тройки инженеров. Я получил бы трех бесполезных, напуганных программистов, которые физически не смогли бы вернуть нам контроль над шлюзами ФРС. Азиатский сектор межбанковского клиринга остался бы под безраздельным управлением хакера. Мы штурмовали пустую оболочку.

Вандербильт медленно опустил незажженную сигару на стол. Он не улыбнулся, но в его прищуре мелькнул первый проблеск понимания.

— Но как вы вообще нашли этих троих так быстро, полковник? Они ведь не наивные мальчики, их трафик шел через шифрованные прокси-ноды в Исландии и Швейцарии. Где они ошиблись?

— Они не ошиблись, мистер Вандербильт. Их переиграла физика, — в уголках губ Садо мелькнула кривая усмешка сыщика. — Киберотдел Constellas провел атаку по сторонним каналам — сквозную корреляцию временных меток. Получив SSH-хэш Томаша, мы зажали его исходный IP-адрес и фиксировали отправку пакетов с точностью до микросекунды. Промежуточные серверы на Шпицбергене и в Исландии стирают адреса отправителя, но они не могут обойти скорость света. Им требуется ровно двенадцать миллисекунд на перепаковку трафика внутри ноды. Наш кластер мониторил магистральные каналы связи в Европе и искал узлы, которые спустя эти двенадцать миллисекунд получали всплески зашифрованных данных идентичного объема с точностью до байта.

Садо сделал паузу, давая Комитету оценить масштаб работы.

— Фильтр отсек миллиарды соединений и выдал нам Белград и Бухарест. Мы вычислили их по задержкам сигнала в оптоволокне. Но теперь преступники знают этот метод и второй раз на него не попадутся. Апекс уже дал им команду сбросить хвосты.

Бальфур задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику:

— И каков ваш следующий шаг, полковник, раз штурм провален?

— Это не провал, барон, это переход к скрытому сопровождению. Апекс уверен, что напугал нас полицией и сохранил свои «рабочие инструменты» в безопасности. Он не станет менять инженеров — они зачем-то ему нужны. Он поведет их в новую, безопасную точку. И теперь мы не будем действовать вслепую. Мы устанавливаем тотальное наблюдение за их перемещениями. Они будут думать, что оторвались, а мы через них вычислим, где физически находятся дата-центры самого организатора.

Вандербильт удовлетворенно кивнул и наконец щелкнул дорогой зажигалкой, раскуривая сигару. Сизый дым поплыл по кабинету в Хэмптонсе.

— Отличный маневр, полковник. Приношу извинения за резкость. Нам действительно нужны не мертвые хакеры, нам нужна конечная точка входа в систему. Ведите их.

Экран квантовой связи погас. Садо глубоко выдохнул, вытирая тыльной стороной ладони испарину со лба. Все, что он сейчас сказал, было чистой импровизацией. Он прекрасно понимал, что поторопился: не выставил внешнее оцепление, не согласовал операцию прикрытия, решив взять цель с наскока. Он просто недооценил противника. Но выкрутился. Комитет дал ему время, и охота перешла в фазу глубокого отслеживания.

// ПОЛЬША // ВАРШАВА //

Выследить эту тройку стоило аналитикам Constellas колоссальных усилий. След Марка едва не потеряли на автобусном вокзале в боснийском Брчко — там остался только шлейф дешевого табака и пустая сим-карта. Лукаш «растворился» еще изящнее: его заляпанный грязью Opel Corsa нашли брошенным на обочине окраины Тимишоары, всего в двух километрах от венгерских пограничных столбов. Пока оперативники прочесывали приграничную лесополосу, сам он уже садился на вечерний рейс до Модлина по поддельной ID-карте. Вектор движения Томаша перехватили чудом — в три часа ночи в системе миграционного контроля глухо звякнул его паспортный идентификатор, когда чартер из Бангкока коснулся колесами варшавской взлетно-посадочной полосы.

Но теперь все трое были здесь, в одном городе. Иштван Садо сидел в салоне тонированного минивэна. Машину ощутимо потряхивало каждый раз, когда по Иерусалимским аллеям, в самом сердце Варшавы, с грохотом проносились трамваи. На приборной панели, прямо под лобовым стеклом, матово отсвечивал портативный дешифратор IMSI-ловушки. Он тихо, на

грани слышимости, жужжал, заглатывая и переваривая идентификаторы мобильников в радиусе пятидесяти метров.

Полковник не спал больше суток. Стоило зажмуриться, как под веками начинали ползти зернистые зеленые строки кодов. Кожа на лице казалась пергаментной, а складка на переносице превратилась в глубокий, сухой рубец, который неприятно саднило, стоило Садо нахмуриться. Через лобовое стекло Варшава казалась выцветшей: конец марта выдался паршивым — колючий мокрый снег то и дело сменялся промозглой изморосью, а серое марево наглухо съедало высотки.

— Они идут по цепочке, — Садо заговорил негромко, его голос после бессонной ночи стал сиплым. Он прижал пальцем микрофон гарнитуры, не отрывая взгляда от тусклого экрана планшета. Траектории трех серых точек сходились в районе вокзала Варшава-Центральная. — Апекс решил не менять лошадей посреди реки. Он стягивает их в одну координату.

— Полковник, группы фиксации на позициях, — в наушнике хриплым, простуженным басом отозвался старший группы ведения. На заднем плане у него шумел вокзальный сектор. — Объект один — Томаш. Вижу его. Вышел из терминала, воротник куртки поднят, капюшон натянут. Сел в такси. Объект два — Марк. Сидит в кофейне на подземном ярусе, греет руки о бумажный стакан, к кофе не притронулся. Объект три — Лукаш. Только что сошел с электрички из Модлина, идет с потоком. Ведем визуально. Дистанция — тридцать пять метров. Так, секунду, полковник... Лукаш остановился у терминала самообслуживания каршеринга. Похоже, арендует машину. Да, подтверждаю, берет серую «Шкоду». Мы перехватываем GPS-трекер прокатчика. Все объекты под полным контролем.

— Никаких прямых контактов! — сухо отрезал Садо. От этого приказа у него пересохло в горле, и он сделал быстрый глоток остывшего, горького кофе. — Работаем по протоколу пассивного ведения. Нам нужен их общий конечный адрес. Марка, который ушел в вокзальный терминал, держите визуально, «ногами». Тех двоих, что прыгают на колеса, разделяйте: Томаша ведите наружкой, пустите за его такси три резервные машины. А третьего, Лукаша, как только выкатится с парковки, зажимайте в две «коробки» и ведите по спутниковому трекеру прокатчика и муниципальным камерам. Не отсвечивать! Опережайте поток.

Все шло слишком гладко. Профессионалы из Constellas работали слаженно — почти бесшумно. Оперативные машины прикрытия незаметно сменяли друг друга за такси Томаша, растворяясь в плотном варшавском трафике, пока спутник беззвучно вел серую «Шкоду» Лукаша. Пешие наблюдатели вели Марка внутри вокзального сектора «внахлест», передавая объект из рук в руки, словно запечатанную посылку. Фрилансеры не дергались. Лукаш за рулем не петлял, не сбрасывал резко скорость на развязках и не проверял «хвосты» частой сменой полос. Такси Томаша также двигалось без сюрпризов, а Марк спокойно шел по терминалу. Обычные роботы. Они просто тупо выполняли инструкции, которые падали на их экраны. Каждому из них Апекс прислал одну и ту же финальную точку на карте — закрытый коворкинг в промзоне района Прага-Полудне.

Но за два квартала до точки реальность треснула.

— Полковник, у нас проблема, — голос оперативника в гарнитуре резко взлетел на октаву, растеряв всю напускную уверенность. — Такси с Томашем нырнуло в подземный тоннель под путями на Гроховской. Там темно, камер нет. Мы ждали его прямо на выезде. Машина вынырнула. Но... салон пуст. IMSI больше не видит его трубу.

— Проверьте дублирующие группы! — Садо резко выпрямился, хрустнув позвонками. Сон смыло за долю секунды. Его сухие пальцы с силой врезались в клавиатуру, запуская принудительный опрос частот.

— Пусто, полковник! Геолокация Марка намертво застряла внутри здания вокзала Варшава-Всходняя. Ребята зашли туда... Его телефон лежит на пластиковом мусорном баке в мужском туалете. Экран разбит. Самого объекта нет. Лукаш... черт, его арендованная «Шкода»

взята в «коробку» нашими машинами еще на выезде с вокзальной парковки, но сейчас за рулем сидит какой-то пацан! Местный, поляк. Лепечет, что ему дали пятьсот злотых прямо у терминала проката, чтобы он просто перегнал эту жестянку до центра! Этот ублюдок оформил аренду через взломанный аккаунт.

Иштван Садо медленно закрыл глаза. В висках застучал пульс.

Никакой мистики. Никаких спецэффектов. Простая, сухая, безупречная логика тайминга. Апекс использовал слепые зоны варшавских камер, секундные заторы в транспортных артериях и копеечный человеческий фактор. Всего одна минута — и они срезали все подводки, которые Constellas так бережно сплетала последние несколько часов.

Садо не стал орать на подчиненных. В этом не было смысла. Он медленно открыл глаза и посмотрел на карту планшета, где серые точки уже погасли.

— Сворачивайте группы, — тихо, почти шепотом сказал он, глядя, как по лобовому стеклу штабного фургона ползет тяжелая капля мартовского дождя. — Запросите записи с выезда из тоннеля. Ищите синий минивэн или технический транспорт муниципальных служб, который выезжал в те же секунды. Прочесывать квадрат нет смысла. И записи с камер ко мне на стол. Быстро.

ГЛАВА №4 СТАРАЯ ВИЛЛА // ПОЛЬША // КОНСТАНЦИН-ЕЗЁРНА //

Потрепанная лицензионная Skoda с ободранными пластиковыми бамперами затормозила у высоких кованых ворот, почти скрытых за густыми, влажными зарослями старого тиса. Это был Константин-Езёрна — закрытый, сонный пригород Варшавы, где за глухими заборами прятались виллы дипломатов и старых польских денег.

Томаш сунул водителю купюру в пятьдесят евро, не дожидаясь сдачи, и почти вывалился наружу. Где его встретила сырая, пронизывающая мартовская прохлада. После липкого зноя Чиангмая Польша показалась Томашу ледяной. Резкий ветер, тянувший из леса, мгновенно заставил его съежиться, пальцы на ручке тяжелой дорожной сумки онемели. Внутри него все клокотало от злости: экстренная эвакуация, сорванный отпуск, полное непонимание того, кто висит у него на хвосте.

Он подошел к калитке и с силой нажал кнопку массивного латунного переговорного устройства. Секунду прибор молчал, издавая лишь ровное аналоговое шипение.

— Да? — раздался из динамика сухой, но удивительно мелодичный женский голос. На безупречном английском.

— Я от... Апекса, — процедил Томаш, инстинктивно оглядываясь на пустую, покрытую лужами дорогу. — Меня зовут Томаш. И я бы хотел получить объяснения.

Замок щелкнул, и массивная створка ворот медленно поползла внутрь.

Томаш шагнул на тенистую аллею. Поместье было большим и тихим. Разросшиеся кроны дубов полностью закрывали серое небо, под ногами хлюпала плотная подушка из влажных листьев. Сама вилла — трехэтажный особняк из темного серого камня в стиле неоклассицизма — показалась из-за поворота лишь через минуту долгой ходьбы. Здесь не было видимых камер наблюдения на каждом углу, но у Томаша появилось вязкое ощущение: это место создано для того, чтобы прятать вещи. Или людей. И это злило его еще больше.

Тяжелая дубовая дверь дома приоткрылась еще до того, как он успел поднять руку к дверному молотку.

— Заходите скорее, вы же совершенно замерзли, — раздался тот самый голос из динамика.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, хрупкая, невысокого роста. Строгий черный брючный костюм, темные волосы собраны в тугой, аккуратный узел на затылке. Никакого

макияжа, но лицо лучилось мягким, почти домашним гостеприимством. Она тепло, открыто улыбнулась.

— Я Марта, — она протянула узкую, теплую ладонь, мягко пожав его окоченевшие пальцы. — Снимайте куртку, бросайте сумку прямо здесь. Идемте к камину, я как раз только что сварила кофе.

— Где Апекс? — вместо приветствия резко спросил Томаш, даже не думая улыбаться в ответ. Он не снял куртку, а лишь перехватил сумку поудобнее. — Марта, при всем уважении к вашему гостеприимству, меня выдернули из Таиланда за два часа. Меня разыскивают, мой аккаунт заблокирован. Что здесь происходит?

— Все ответы будут через час, Томаш. Обещаю, — Марта ничуть не обиделась на его тон. Ее голос оставался убаюкивающе спокойным. — Пожалуйста, доверьтесь нам. Вы в безопасности.

В холле пахло старым деревом, пчелиным воском и густым, дорогим ароматом свежемолотой арабики. Из глубины дома доносилось глухое урчание итальянской рожковой кофемашины — там, на просторной кухне, совмещенной с гостиной, возился мужчина в простом сером кардигане.

— Ян, налей гостю кофе, пожалуйста, — негромко крикнула Марта в сторону кухни.

Мужчина обернулся, приветственно кивнул Томашу и понимающе улыбнулся, но подходить не стал, давая новоприбывшему пространство.

В течение следующего часа этот уютный, согревающий кокон виллы принял еще двоих. И они тоже были на пределе.

Сначала приехал Марк. Фронтендер выглядел измотанным, бледным, он сильно хромал на правую ногу. На нем была чужая куртка не по размеру, купленная на каком-то полустанке. Он буквально влетел в дом, тяжело дыша, и с порога начал раздраженно швырять свои вещи. Пальцы его правой руки судорожно дергались, сжимая тяжелый корпус нового вейпа — Марк непрерывно затягивался, выпуская густые клубы пара, но даже убойная доза никотина не могла унять тремор после безумной эвакуации.

— Это какой-то сюр! Коллеги, вы вообще в курсе, что нас пасут?! — с порога закричал Марк, едва не срываясь на фальцет. — За мной ехал серый фургон от самого вокзала! Марта, или как вас там, где этот гребаный Апекс?! Почему мы в Польше?!

Марта встретила его, сочувственно покачала головой, мягко, но настойчиво перехватила его летящую куртку. Ее прикосновение было почти медицинским. Она усадила его в глубокое кожаное кресло у камина, подложив под травмированную ногу мягкий пуфик.

— Тише, Марк, тише. Фургон был наш, он вел вас для подстраховки, — мягко сказала она, погладив его по плечу. — Все позади. Выдохните.

Следом появился Лукаш. Инженер инфраструктуры внешне сохранял привычное спокойствие, но глубокие темные круги под глазами и плотно сжатые губы выдавали запредельный уровень истощения и злости после маневра с подставным водителем. Он прошел в гостиную, проигнорировав протянутую руку Яна, и тяжело сел на стул, не снимая пальто. Его Марта встретила с большой фарфоровой кружкой горячего чая с лимоном и имбирем, которую сунула ему прямо в замерзшие руки. Лукаш взял кружку, но посмотрел на Марту волком.

— Если это шутка, то она затянулась, — глухо сказал он. — Мы подписались на разработку финансового софта. Не на прятки от спецслужб.

Они молча кивнули друг другу. Архитектор, фронтендер и инфраструктурщик. Команда ядра Anima-Core, которая до сегодняшнего дня существовала друг для друга исключительно в виде аватарок и строчек кода, наконец собралась в реальном мире. Было неловко, душно и нервно. Они косились друг на друга, узнавая и не узнавая черты лиц сквозь пиксели прошлых воспоминаний, и это реальное присутствие лишь усиливало их общее раздражение и тревогу.

Мужчина в кардигане подошел к ним, неся на деревянном подносе тарелку с горячими тостами, сыром и дымящиеся чашки.

— Я Ян, — представился он, мягко улыбнувшись. Взгляд его умных, слегка навыкате глаз был внимательным, но транслировал абсолютную безопасность. — Ребята, вытаскивайте ноги к огню. Вы живы, вы в безопасности, все позади. Ешьте, пейте. Марк, как нога? Сильно потянул? У меня есть отличная мазь, сейчас принесу.

Эта обезоруживающая забота действовала как гипноз, но Томаша она лишь настораживала. Он сделал глоток кофе — плотного, с едва заметной горчинкой — и почувствовал, как тепло наконец разливается по телу. Дикое напряжение последних дней, бегство, страх ареста — все это пыталось растаять под треск дров в камине, но мозг инженера продолжал лихорадочно искать подвох.

Каждый из них ждал, что сейчас из глубины дома выйдет тот самый Апекс — цифровой тимлид, который до этого управлял их проектом исключительно через текстовые консоли и зашифрованные SSH-сессии. За все месяцы разработки они ни разу не видели его лица и не слышали его голоса. Раздражение внутри парней копилось, как статическое электричество, требуя заземления.

Марта присела на край массивного дубового стола, стоявшего в центре комнаты. На полированном дереве уже лежали три закрытых ноутбука без маркировок.

— Отдыхайте, мальчики, — тихо, почти ласково сказала она. — Время у нас есть, минут десять до связи. Уолтер Стерлинг уже согласился на регламент API, так что финансовый контур пока стабилен, хотя Садо из Constellas и идет за нами по пятам. Но здесь его людей нет, переведите дух.

— Да как тут отдыхать, к черту?! — не выдержал Марк, швыряя недоеденный тост обратно на тарелку. Нога болела, чужая куртка натерла шею, а эта вежливая неопределенность сводила с ума. — Кто такой этот Садо? Какое отношение мы имеем к Уолтеру Стерлингу? Марта, хватит кормить нас загадками, мы на взводе! Апекс приедет сюда или нет? Мы имеем право знать, во что нас втянули!

Ян, как раз ставивший на столик перед Марком тюбик с немецкой мазью, коротко и негромко рассмеялся. Звук получился сухим, но совсем не злым, скорее понимающим.

— Апекс не приедет на такси, парни. Давайте мы кое-что проясним, пока кофе не остыл, — Ян присел в соседнее кресло, уютно обхватив руками свой стакан с водой. — Вы ведь думали, что пишете код для обычной распределённой клиринговой платформы? Но мир устроен чуть сложнее. Есть такая система, которая называется «Архитектура создания смыслов и контроль над развитием общества». Звучит, конечно, длинно и путано. Для простоты мы её называем коротко — «Контроль». Это не тайное общество, а скорее распределённая экосистема. Она координирует развитие социума через информационные и рекламные агентства, тренды потребления, через европейские регуляторы и медиаполя. А мы с Мартой… ну, можно сказать, архитекторы в одном из её звеньев. «Апекс» — руководитель нашего звена.

Томаш замер с чашкой в руке. Его аналитический ум моментально уловил несостыковку, а накопившееся раздражение переросло в холодную, злую иронию. Тепло камина вдруг показалось совсем не бескорыстным. Он аккуратно поставил фарфор на блюдце. Звук получился резким.

— Извините, Марта, Ян... — Томаш нахмурился, переводя колючий взгляд с одного на другую. — Но на каком основании вы нам все это рассказываете? Какое нам дело до ваших рекламных трендов и политических игр? Мы системщики, айтишники. Нам заплатили в USDT за код. Работа сдана, шлюзы переписаны, контракт закрыт. А с вами мы вообще не знакомы. Что еще за «Контроль»? Звучит как бред из очередной антиутопии. Вы удерживаете нас здесь?

Марта не нахмурилась. Она подошла ближе, её движения были плавными, успокаивающими. Она мягко положила ладони на спинку стула Томаша и наклонилась чуть вперёд. В её

глазах не было надменности или злости — там светилось глубокое, почти докторское понимание человеческой природы. Так смотрят лучшие хирурги: с бесконечным сочувствием к пациенту, но с абсолютной готовностью сделать точный надрез.

— Вас насильно никто не звал, и вы совершенно правы, Томаш. Ваш контракт выполнен, — спокойно, доброжелательно произнесла она. — И у вас действительно есть два пути. Первый: вы можете прямо сейчас допить кофе и со своими честно заработанными деньгами выйти за ворота. Вас никто не держит. Ян проводит вас до калитки и даже вызовет такси.

Марк перестал дёргаться, его пальцы нервно сжали подлокотник кресла. Раздражение мгновенно сменилось появившемся страхом, когда он понял, что скрывается за этой вежливой улыбкой.

— И что тогда? — с вызовом, но уже гораздо тише спросил он.

— Ничего, — Марта тепло улыбнулась Марку, поправив плед на его коленях и повернувшись к Томашу продолжила: — Вы свободные люди в свободной Европе. Возможно, найдете тихую гавань. А возможно... все сложится не так гладко. Полковник Иштван Садо из Constellas уже верифицировал ваши личности. Если вы уйдете от нас, мы больше не сможем вас прикрывать. Садо заблокирует ваши счета в европейских банках ордером Интерпола, выписанным задним числом. Биометрия уйдет на все пограничные пункты Шенгена. Вы будете перемещаться по серым хостелам, пытаясь обналичить крипту через левые P2P-узлы, пока оперативники Constellas не снимут дверь с петель. Физически вас не уничтожат. Вас просто доставят в Нью-Йорк, в подземный периметр на Либерти-стрит, где вы будете до конца жизни бесплатно писать патчи для ФРС США, закрывая те самые уязвимости, которые открыли вчера.

В гостиной повисла тишина. Было слышно только, как потрескивает полено и как где-то в углу мерно остывает бойлер кофемашины. Пространство, еще минуту назад казавшееся раем, медленно превращалось в золоченую клетку. Но хозяева не давили — они предлагали выбор.

Лукаш, до этого не сделавший ни одного движения, глухо спросил:

— А второй вариант?

Ян у камина согласно кивнул, подбодряя его взглядом, а Марта перевела свой ровный, гипнотический взгляд на инфраструктурщика. Ее голос опустился до доверительного полушепота.

— Второй вариант — принять новый контракт. Не с абстрактным аккаунтом в Сети, а с нами. Перейти на следующий уровень. Вы всю жизнь создавали софт, парни. Вылизывали интерфейсы, оптимизировали базы данных на Rust. Вы считали это пределом инженерии. Но это нижний, технический контур. Самая сложная, пластичная и масштабируемая архитектура в мире — это человеческое общество. Его страхи, страсти, желания. Люди ведь не управляют своими мыслями самостоятельно, они выполняют внешние скрипты: покупают то, что им не нужно, голосуют за тех, кого презирают. Раньше эти скрипты писала церковь. Теперь — мы. Мы Архитекторы Смыслов. И мы предлагаем вам начальный уровень в этой самой архитектуре. Вы будете настраивать алгоритмы, определяющие, что миллиарды людей посчитают истиной, а что — ложью. Чего они захотят утром и чего панически испугаются вечером. Вы хотите всю жизнь бегать со своими миллионами, или хотите увидеть изнанку этого мира и поучаствовать в его регулировании?

Марк замер. Оцепенение и страх после Белграда вдруг трансформировались в пьянящее любопытство.

Томаш медленно перевел взгляд на свою чашку кофе. Его инженерное эго, когда-то жестко пострадавшее от фонда Vanguard, который ликвидировал его лучший стартап TradeMesh, требовало реванша. И эти мягкие, улыбающиеся люди только что предложили ему этот реванш на максимальной скорости.

— Ну и какая... какая наша первая задача в этом контуре? — спросил Томаш, искусственно равнодушным голосом. Чувствуя, как внутри при этом разгорается опасный азарт.

Марта едва заметно улыбнулась — уголками губ скользнула довольная, почти уловимая тень торжества. Протокол фиксации завершился успешно. Парни явно заинтересовались. Они больше не были наемниками. Они были внутри.

— Садитесь за терминалы, господа.

В этот момент три ноутбука на столе одновременно издали короткий аналоговый звуковой сигнал. Экраны моргнули, разворачивая интерфейс изолированной видеосвязи WebRTC со сквозным шифрованием. По центру каждого дисплея открылось окно трансляции.

Фрилансеры впервые увидели Апекса.

Это был реальный живой человек. Он сидел в освещенном помещении, спиной к широкому окну, за которым угадывались очертания какого-то мегаполиса, залитого ночными огнями. На его лице играл тусклый отсвет от нескольких мониторов. На вид ему было около тридцати восьми лет. В его внешности не было плакатной гениальности — обычные черты лица, слегка растрепанные волосы, на плечи накинута простая темная худи. Но взгляд его глаз — цепкий, холодный и одновременно слегка уставший — выдавал человека, который привык просчитывать реальность на несколько ходов вперед. Рядом с его клавиатурой стояла наполовину пустая бутылка виски и пепельница, полная окурков — примета чисто человеческих пороков, которые никак не вязались с образом безупречного цифрового гения, созданным в их умах.

— Привет, команда, — раздался из динамиков его настоящий голос.

Он был слегка хриплым от курения, спокойным, но в нем ощущалась абсолютная, непререкаемая внутренняя сила. Его английский был чистым, но интонации выдавали мягкий, певучий уэльский выговор — едва заметное округление гласных и специфический ритм речи, который сразу ломал любые алгоритмы автоматической маскировки.

— Извините за экстренную смену координат, — Апекс слегка наклонился к камере. — Белград, Бухарест и Чиангмай засветились перед поисковыми группами Constellas. Полковник Садо применил атаку по временным меткам, зажав наши прокси-узлы в Исландии. Физическая безопасность ядра была под угрозой, но хитроумный маневр Яна дал нам преимущество и выигрыш во времени...

— Ты что, блять, обкурился там?! — Марк резко подался вперед, едва не перевернув чашку с кофе, которую Ян только что поставил перед ним. Лицо фронтендера пошло красными пятнами, пальцы дрожали. — Какой выигрыш во времени?! Меня чуть не упаковали в Белграде! Я прыгал с крыши на мокрый рубероид, ты понимаешь, чувак, я ногу чуть не сломал! Ты обещал обычный фриланс! Чистый код для клиринга!

В мониторах Апекс даже не моргнул. Он спокойно затянулся, наблюдая за истерикой Марка через объектив камеры.

— Погоди, Апекс. Или как там тебя. Мы системщики, чувак, — глухо и зло поддержал коллегу Томаш, сжав кулаки так, что побелели костяшки. — Ты втянул нас в непонятную криминальную херню. За нами охотится частная армия, мы прячемся на какой-то конспиративной вилле под Варшавой, эти милые люди несут чушь про «Архитекторов Смыслов» ... Ты вообще соображаешь, под какой замес ты нас подставил? Какого хрена ты сразу не сказал, для чего этот код?!

Лукаш молчал, но его взгляд, устремленный в экран, был ледяным. Он ждал ответа.

Апекс медленно выпустил дым в потолок, опустил сигарету в пепельницу и наконец посмотрел прямо в камеру. В его уставших глазах не было раскаяния — только жесткая, прагматичная реальность.

— Закончили? — тихо спросил он. Голос прозвучал внезапно звонко. В гостиные виллы сразу стало тихо, только Марк тяжело и прерывисто дышал. — А теперь послушайте меня, инженеры. Если бы я три месяца назад честно выкатил вам в ТЗ параметры реального проекта, где вы сейчас были бы? Марк, ты бы продолжал сосать свой вейп на сербском съемном флэте

за две тысячи евро в месяц. Лукаш, ты бы оптимизировал базы данных для копеечных криптообменников. Томаш продолжал бы рефлексировать по поводу купленной у него программы, которая никогда не увидит свет. Вы хотели больших денег, вы их получили. Но код такого уровня не пишется для оптимизации логистики в продажах пиццы.

Апекс подался ближе к экрану, его уэльский акцент стал отчетливее, жестче.

— Тот маневр, который вы называете «херней», был единственным способом выдернуть вас из-под удара живыми. Как только архитектура Anima-Core была завершена, системы мониторинга Constellas зафиксировали ваши пакеты данных. Полковник Садо вышел бы на вас в течение суток. Без меня, без Яна и Марты, вас бы уже приняли на квартирах или подхватили позже. И поверьте, Садо не стал предлагать вам кофе. Вы были бы уже в воздухе по пути в Штаты. То, что вы сейчас сидите в тепле и орете на меня — моя прямая заслуга.

— И что ты предлагаешь? — Лукаш наконец подал голос, его тон был сухим и расчетливым. — Работать под дулом пистолета? Сказать «спасибо» за то, что нас использовали в темную?

— Я предлагаю вам выжить и заработать столько, сколько вам необходимо, — отрезал Апекс. — Назад дороги нет. Садо уже знает ваши имена. Ваш единственный щит — это я и эта платформа. У компании хватает айтишников, но раз вы оказались у истоков дополнительного направления, и так сложились обстоятельства, то я предлагаю продолжить и перейти на второй уровень. Я не требую от вас прыгать с автоматами. Мне нужны ваши мозги.

Он сделал паузу, давая им переварить сказанное. Марк со злостью откинулся на спинку кресла, уставившись в потолок. Лукаш тяжело вздохнул, подперев голову руками.

— Что конкретно за проект? — спросил Томаш, понимая, что Апекс прав: они в мышеловке, дверь уже захлопнулась и вариков особо то нет.

— Мы запускаем Медиа-контур, — уже спокойнее произнес Апекс, виртуально разворачивая на их экранах первые блок-схемы. — Это аналитический инструмент достаточно высокого уровня. Официально — платформа для предиктивного анализа электорального поведения и управления репутационными рисками в медиаполе. Проще говоря: мы будем настраивать алгоритмы, которые формируют повестку, двигают тренды в соцсетях и ломают или создают политические рейтинги.

Апекс снова потянулся к сигарете.

— Прямо сейчас крупный консорциум перекраивает сферы влияния. Впереди большие потрясения в политическом секторе США. Наша задача в этом Медиа-контуре — создать систему фильтрации и субтильного искажения контекста, чтобы гасить или раздувать нужные инфоповоды до того, как они попадут в крупные СМИ. Вы будете крутить ручки глобального рекомендательного движка. Определять, что завтра станет истиной для миллионов избирателей, а что — маргинальным шумом. Это чистая инженерия, но на живых людях.

Томаш всматривался в бегущие по экрану схемы Медиа-контура. Его аналитический ум, еще минуту назад бунтовавший против обмана, помимо воли начал цепляться за масштаб задачи. Это была не просто работа. Это была абсолютная власть системного инженера, упакованная в строки кода. Власть над теми самыми фондами и корпорациями, которые когда-то задвинули его TradeMesh.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.